

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

М. И. Воробьева-Десятовская

**ФРАГМЕНТЫ ТИБЕТСКИХ РУКОПИСЕЙ
НА БЕРЕСТЕ ИЗ ТУВЫ**

Старейшие из известных тибетских письменных памятников относятся к VIII в. Это фольклорные тексты, хроники и документы из Дуньхуана, документы на дереве и бумаге, обнаруженные на территории Восточного Туркестана, и эпиграфические памятники с территории самого Тибета.

Дуньхуанские хроники [10] и фольклорные тексты [21; 20] написаны на китайской бумаге почерком *dbu-can* и имеют ряд характерных орфографических особенностей, по которым эти памятники могут быть выделены в самостоятельную группу. К этой группе примыкают тибетские документы на бумаге из Восточного Туркестана из коллекции Н. Ф. Петровского, хранящиеся в ЛО ИВАН СССР¹.

Документы на дереве происходят с территории современного Синьцзяна (район оз. Лобнор) и относятся ко времени господства тибетцев в этих областях (конец VII — середина IX в). По ряду орфографических и палеографических особенностей они могут быть выделены в особую группу: в этих документах впервые засвидетельствован тибетский курсив (*dbu-med*), получивший дальнейшее развитие в буддийских рукописях из Хара-Хото (XII—XIV вв). Большая часть документов на дереве была собрана А. Стейном [16, с. 162, 348, 460 и сл., 1279, 1286 и сл., табл. CL XXI и CLXXII; 17, с. 92, 101, 127, 173, 1055, 1084—1087, табл. CXXX] и опубликована Ф. В. Томасом [19]. В 1914 г. С. Е. Малов купил в селении Миран коллекцию тибетских документов на палочках и дощечках. Эти документы происходят с Миранского городища, расположенного в районе оз. Лобнор. Имена собственные и термины, представленные в документах из Мирана, позволяют датировать их серединой VIII в. Коллекция С. Е. Малова насчитывает 57 единиц, из них 54 — целые документы и фрагменты. Они хранятся в Рукописном отделе ЛО ИВАН (шифры ТД 1 — ТД 566). До настоящего времени издано всего шесть доку-

¹ Документ под шифром SI $\frac{P}{135}$ подготовлен к изданию автором этих строк.

Некоторое количество документов того же времени на бумаге хранится в Берлине (см. [13, с. 5—20]).

Рис. 1. «rho-gdon» и «mo-gdon» — иллюстрация из бурятской рукописи по культукам местных божеств, хранящейся в Тибетском фонде ЛО ИВАН СССР

ментов миранской коллекции (описание коллекции см. [1, с. 167—175]; издание документов см. [2, с. 70—76; 3, с. 77—85; 4, с. 68—72]).

По содержанию документы из Восточного Туркестана, насколько можно судить по публикациям, представляют собой переписку, связанную с жизнью военных гарнизонов: это регистрация поставок провианта, сведения о передвижениях отрядов и лазутчиков и т. п. Многочисленные нарушения норм орфографии могут свидетельствовать о близости языка документов к разговорному.

В Восточном Туркестане в VIII в. употреблялась только китайская бумага, она была дорогой и редкой, так что обычным материалом для повседневных записей служило дерево [12, с. 37; 16, с. 1464]. Профессиональные писцы широко пользовались также березовой корой. Известны буддийские рукописи из Кашгара и Кучи, написанные на березовой коре; так, в Рукописном отделе ЛО ИВАН хранится несколько фрагментов санскритских рукописей из коллекции Н. Ф. Петровского [8, с. 47—67] и М. М. Березовского [7], написанных центральноазиатским брахми, и рукопись Дхаммапады из Хотана (коллекция Н. Ф. Петровского), написанная на северо-западном пракрите письмом кхароштхи [9].

Широко применялась березовая кора как материал для письма и в самом Тибете. Известны многочисленные талисманы и ладанки с тибетскими текстами молитв и заклинаниями против злых духов,

написанными на березовой коре. Такие тексты бытуют и в настоящее время (так, в тибетском фонде ЛЮ ИВАН хранятся свитки березовой коры с текстами заклинаний, которые, по представлениям тибетцев, следует класть на живот для устранения болей). Согласно верованиям тибетцев, чтобы насладиться недугом, нужно взять кусок хлопчатобумажной ткани или бересты, написать на них соком белого алоэ имя и родословную недруга, окурить этот текст (произнося при этом определенные мантры) ядовитым дымом и спрятать его там, где, как считается, обитают злые духи. Для таких магических текстов особенно рекомендуется береста [14, с. 486]. Можно полагать, что и в VII—IX вв. берестяные свитки и ладанки с различными защитительными текстами и заклинаниями сопровождали тибетцев во время их военных походов и путешествий по Центральной и Средней Азии. Магические тексты такого рода на бересте обнаружены в 1960 г. в Туве (см. [6, с. 107]).

Фрагмент I. Размеры: 55×7 мм. Узкая полоска бересты, содержит верхнюю часть обрывка строки. Чтение текста:

(1) . . . 'i gus-pa'i gañ-zag

'i — адъективирующий показатель (форма после гласного); gus-pa — «уважение, почитание, любовь» (с той же адъективирующей частицей 'i, превращающей слово в определение к следующему за ним слову); gañ — возможно, первый слог слова gañ-zag — «человек, личность; существо с развитым интеллектом». Тогда gus-pa'i gañ-zag следовало бы перевести «уважаемый человек, почитаемый человек» (свободное словосочетание). На обороте различаются следы двух акшар.

Фрагмент II. Размеры: 89×24 мм. Текст с двух сторон. На стороне «а» четыре неполные строки, от верхней и нижней сохранились только надстрочные и подстрочные части акшар. Чтение текста:

(1) . . . 'gdon' . . .

(2) . . . 'i gdon-rnams dan . . .

(3) . . . [sru]l-po'i gdon-dag . . .

(4) . . . o'i . . . i . . .

Текст представляет собой перечень *gdon* — злых духов-демонов, вызывающих болезни.

Исследователи культов тибетских божеств приводят некоторые сведения о *gdon* [14, с. 310—311]. Так, в тибетских текстах упоминаются «4 обычных *gdon* (*gdon phal-pa bzhi*)», «15 великих *gdon*» (*gdon chen bco-lña*) и «18 великих *gdon*» (*gdon chen bco-brgyad*). Последняя группа выступает только в форме *byis-pa'i gdon chen bco-brgyad* — «18 великих *gdon*, которые приносят вред детям». Некоторые исследователи называют «100 тысяч *gdon*, которые приносят вред детям» (*byis gdon 'bum*, см. [15, с. 12]). Лонг-дол-лама в «Словаре имен океана божеств-охранителей» посвящает этим злым духам главу под названием «18 *gdon*» (K l o ñ - r d o l - b l a - m a. bStan-sruñ dam-can rgya-mtsho'i miñ-gi grañs; собрание сочинений, ксилограф пекинского издания, № 24 (ya), л. 14a), в которой разделяет их на «*gdon*, связанных с местом» (*gnas-gdon*), «*gdon*, связанных с телом» (*lus-gdon*) и «*gdon*, связанных с действием» (*las-gdon*). Устная тибетская традиция

насчитывает 424 *gdon*, описание которых приведено в сочинении «Белый зонтик» (*gdugs-dkar*). Злые духи *gdon* выступают в женской и мужской ипостаси и подстерегают человека на каждом шагу, обрушивая на него болезни и несчастья. От злых духов *gdon* человека защищает горное божество О-ла юр-це (*sno-la gyu-rtse*), обитающее на горной вершине на северо-востоке. В его садханае («способе вызывания») перечислены все злые духи *gdon* и *'byuñ-po* (см. ниже) и различные напасти и несчастья, которые они вызывают. При повторении садханы (и соблюдении определенных условий: начертании мандалы, произнесении заклинаний, принятии соответствующей позы, погружении в созерцание и пр.) появляется божество О-ла юр-це, которое выручает из беды просящего. Переписанные тексты садханы божества О-ла юр-це и других божеств-покровителей широко употреблялись в качестве защитительных амулетов [14, с. 213—215]. Злых духов можно задобрить: оставить в соответствующем месте приношения и заклинание, написанное на бумаге или бересте; следовало также указать, в чем требовалась помощь злых духов.

В стк. 1 рассматриваемого фрагмента можно прочесть по нижним частям акшар только слово *gdon*. В стк. 2 сохранился адъективирующий показатель *'i* (форма, употребляющаяся после гласного), затем слово *gdon* с показателем множественности — *rnam*s и, наконец, союз *dan* — «и», после которого стоит знак шад (*/*), выполняющий в данном случае функцию разделительного при перечислении (конструкция, обычная для тибетского предложения). Перед словом *gdon* стояло, очевидно, обозначение разновидности злых духов, название группы. Подобную же конструкцию мы находим в стк. 3. От названия группы злых духов здесь сохранилась только часть *...l-po*, может быть, [*sru*]l-po'i *gdon-dag* — «злые духи со страшным телом» [11, с. 663 и 1293], но, возможно, имелась в виду другая разновидность злых духов; *dag* в этой строке — также показатель множественности. В стк. 4 сохранились только три огласовки акшар: *o'i* (ср. выше: *po'i*) и *i*. Таким образом, текст можно перевести так:

- (1) . . .злой дух. . .
- (2) . . .злые духи [группы]. . . и . . .
- (3) . . .злые духи [со страшным телом]. . .

Как было показано выше, тексты подобного рода можно рассматривать как защитительные от злых духов *gdon*. Культ божеств-покровителей и употребление защитительных текстов против злых духов восходят к добуддийским религиям Тибета.

Оборотная сторона фрагмента II. Остатки слаборазличимых строк:

- (1) . . .одна слаборазличимая акшара в левом верхнем углу, затем лакуна (верхний слой бересты сорван);
- (2) . . .*sña-ba*[r]. . . *pa-rnam*s. . .
- (3) . . .*rg*[y]as-[le. . .

Sña-bar, возможно, «прежде, раньше» или в функции послелогога «впереди, перед»; *rnam*s — частица множественности; *rgyas* — «старый»; если за ним следовало слово *byed*, от которого осталось только

-е-, то это могло означать «то, что заставляет стареть». Контекст неясен.

Фрагмент III. Размеры: 50×36 мм. Текст с двух сторон. На стороне «а» четыре неполные строки. Текст написан бледной тушью. Чтение текста:

(1) . . .*dus-su sñane*. . .

(2) . . .*par-'gyur*. . .

(3) . . .'*byuñ-po*. . .

(4) . . .*ma des*. . .

Стк. 1: *dus-su* — «во время [чего-либо]» (слово *dus* — «время» с местно-направительной частицей *-su* в соответствующей форме); *sñane* — очевидно, глагольная форма, в которой конечный согласный *-n* слился с заключительной частицей *-ne*: *sñan-ne*; заключительная частица в форме *ne* в тибетском языке VII—IX вв. часто употреблялась вместо частицы *no*, обычной для современного тибетского. Слияние заключительной частицы с конечной согласной предшествующего слова неоднократно засвидетельствовано в тибетском языке VII—IX вв. Вся форма может быть переведена как «слышно» или «известен».

Стк. 2: . . .*par-'gyur* — вспомогательный глагол '*gyur* — «становиться, делаться» с частицами *-pa* и *-r*, обычно употребляющимися в сложных глагольных или отыменных формах между основным и вспомогательным глаголом или именем. Подобные сложные глагольные формы, образованные по типу «имя + *par* + вспомогательный глагол», были широко распространены в тибетском языке VII—XI вв. и сохранились в современном тибетском. Вспомогательный глагол '*gyur*, очевидно, служил для образования видовой формы основного глагола, характеризуя действие с точки зрения полноты и интенсивности. Так как в данном случае основной глагол отсутствует, перевести усеченную форму *-par-'gyur* целиком невозможно.

Стк. 3: читается одно слово '*byuñ-po* — название категории злых духов-демонов.

Стк. 4: *ma* или *-m* — заключительный слог или буква предыдущего слова, которое не сохранилось; *des* — «он, тот» (указательное местоимение *de* с частицей деятеля *-s*).

Содержание фрагмента в целом неясно. Возможно, что текст, как и предыдущий, носил защитительный характер. Подтверждением этого может служить упоминание в нем (стк. 3) злых духов '*byuñ-po*. Категория злых духов '*byuñ-po*, как и *gdon*, широко распространена в Тибете. Некоторые источники рассматривают *gdon* как разновидность '*byuñ-po*, понимая под последними более широкое название для всех демонов, а именно: '*dre*, *gdon* и *bgegs* [11, с. 925]. Другие склонны относить название '*byuñ-po* (так же, как и *gdon*) к демонам, помещаемым в северо-восточной четверти «колеса сансары» (*srid-po'i 'khor-lo*) [K l o ñ - r d o l - b l a - m a. Ук. соч. л. 126]. По представлениям тибетцев, демоны '*byuñ-po* насылают болезни и сумасшествие. Описанный выше способ наслать болезнь или несчастье на недруга с помощью магических текстов на бересте обычно связывают с '*byuñ-po*. Но есть у '*byuñ-po* и другая функция, отличающая их от *gdon*: они

насылают мираж и препятствуют выпадению осадков [14, с. 380]. В качестве жертвоприношения злым духам *'byuñ-po* используются фигурки из теста (*zor*) в форме человеческого черепа (*'byuñ-po'i thod-zor*). Защищает от злых духов *'byuñ-po* описанное выше горное божество О-ла юр-це. Защитительные тексты против *'byuñ-po* содержат описание всех бед, виновниками которых они являются, и входят в состав садханы О-ла юр-це. Ладанки или амулеты с этими текстами обязательно берут с собой путешественники или паломники, отправляясь в дорогу.

Фрагмент III, оборотная сторона. Три неполные строки. В стк. 1 и 2 первые несколько наклонных черт неясны. Чтение:

- (1) . . . *sa bka'* . . .
- (2) . . . *sag dan' bcu* . . .
- (3) . . . *na* . . . *bcas* . . .

Текст обрывочный и неясный. Возможно дать перевод лишь нескольких отдельных слов:

стк. 1: *bka'* — «слово, речь», «приказ»;

стк. 2: *sag* — «мускул, затверждение», также «шерстяной покров шкуры»; *dan'* — союз «и», *bcu* — числительное «десять»;

стк. 3: *bcas* — «вместе с».

* * *

Три рассмотренных выше фрагмента написаны почерком *dbu-can* рукой умелого каллиграфа. Между слогами сохранились следы разделительной точки ('). По почерку эти фрагменты значительно отличаются от имевшихся до сих пор в распоряжении ученых тибетских документов VIII—IX вв. с территории Восточного Туркестана, написанных курсивным *dbu-can*, часто небрежно. Правильный каллиграфический почерк и тщательность, с которой выписаны тексты, могут служить показателем важности их для хозяина. Это не черновые хозяйственные записи или расписки, а скорее всего защитительные амулеты. Обрывочность текстов и отсутствие в них каких-либо штампов или оборотов тибетского эпистолярного стиля, обычных для документов VIII—IX вв. [5, с. 294—295], не дают возможности сделать более точные заключения об их назначении. В рассмотренных текстах нет также ни одного термина, который мог бы свидетельствовать о буддийском характере фрагментов, что позволяет датировать их периодом не позднее IX—X вв., пока буддизм, сделавшийся в это время религией верхов, не успел проникнуть в народ, продолжавший пользоваться старыми магическими текстами и заговорами. Верования тибетцев до проникновения в их среду буддизма в настоящее время изучены довольно слабо. Это объясняется тем, что дошедшая до нас письменность появилась в Тибете поздно и была введена одновременно с буддизмом. Религиозные верования тибетцев могли получить отражение в письменных источниках только в середине VII в. Согласно последней, широко признанной теории, в Тибете начиная с глубокой древности существовали народные верования в форме местных религиозных культов. Это была религия «без названия» или

«традиция» [18, с. 158—159], нашедшая отражение в песнях и легендах. Часть из них дошла до нашего времени. «Рассказчики» (*sgruñ*) и «певцы» (*lde'u*) представляли так называемую *mi-chos* — «религию народа», которая противопоставлялась официальной религии — *lha-chos* [18, с. 159]. Термином *lha-chos* в VII в., ко времени распространения буддизма, называлась религия, впоследствии развившаяся в бон. Само слово «бон», об этимологии которого до настоящего времени нет единого мнения, для названия религии, по всей вероятности, стало употребляться позднее, лишь после того, как в Тибете буддизм был введен в качестве государственной религии — *lha-chos*. В текстах из Дуньхуана слово *bop* в форме *bop-ro* употреблялось только в значении «маг, волшебник». С нашей точки зрения, правильно связывать этимологически слово *bop* со словом *bod*, которое с древних времен служит в качестве названия Тибета. Тогда, в применении к религии, бон должно означать «тибетская, местная» в отличие от заимствованной, чужой религии — буддизма. Такое название местной религии, конечно, могло войти в употребление только начиная с того момента, когда понадобилось бон противопоставить буддизму. Народные верования, составлявшие некогда ядро бон, сохранились до наших дней. В первых веках нашей эры в связи с большой миграцией племен и народов они, очевидно, получили распространение на всей территории Центральной Азии. Та же религия бон, которая сохранилась в Тибете и на его окраинах до наших дней, по существу является не древней, а современной, видоизмененной формой, возникшей на основе древних верований *mi-chos* под сильным влиянием буддизма. Иногда называют религию бон шаманизмом. Между *mi-chos* и шаманизмом, очевидно, можно поставить знак равенства, но бон не равна ни *mi-chos* (поскольку во времена существования этих верований они не назывались бон), ни шаманизму, так как влияние буддизма привело к возникновению сложной синкретической религии. О распространении религии бон в ее новой, видоизмененной форме ничего не известно. Оформление бонского канона и фиксация его основ в письменной форме произошли в значительно более поздний период (начиная с XIV в.) под прямым влиянием буддизма, по образцу Трипитаки (т. е. Канджура и Танджура), с помощью буддийской терминологии. Именно поэтому нет возможности судить о древней тибетской религии по письменным памятникам, а других путей у нас, к сожалению, нет. В наших фрагментах скорее всего нашли отражение народные верования (*mi-chos*), носившие нейтральный характер: амулеты с таким текстом могли помочь всем. Возможно, амулеты были зашиты в одежду умершего и перенесены в его захоронение после сожжения вместе с наиболее ценными вещами. Хозяин амулета мог быть и не тибетец, мог не знать тибетского языка. Да и не все тибетцы в IX—X вв. умели читать оберегающие их тексты (равно как и понимать санскритские по происхождению дхараны — заклинания, широко бытовавшие на всей территории Центральной Азии). Однако есть прямые сведения о том, что в IX—X вв. киргизы, на территории которых обнаружены амулеты, знали тибетский алфавит, умели записывать с его помощью нетибетские тексты

и читать их. В Дуньхуане обнаружены записанные тибетскими буквами китайские тексты, выполненные по заказу киргиза На-se-to 'Ab-'ga-den из знатного рода [22, с. 282].

Упомянутые в амулетах духи *gdon* и *'byuñ-po* относятся к разряду так называемых *sa-bdag* — «хранителей земли». Согласно верованиям тибетцев, они вместе с еще одной разновидностью — *klu*, «нагами», или «водяными», — населяют всю сферу между подземным царством и небом. Тибетцы обращались к садагам за помощью, когда начинали какие-нибудь земляные работы, постройки, сельскохозяйственные работы. В данном случае амулеты с заклинаниями могли служить защитой могильного кургана от разрушения: садаги привлекались к этому делу как духи-хранители. С практикой разрушения чужих курганов киргизы, как показывает опубликованная в этом сборнике статья А. Д. Грача, были хорошо знакомы.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев-Десятовский В. С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым. — УЗИВАН. Т. 6., 1953.
2. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор. — ЭВ. Т. 7, 1953.
3. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. Ч. 2. — ЭВ. Т. 8., 1953.
4. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. Ч. 3. — ЭВ. Т. 10, 1955.
5. Воробьев-Десятовский В. С. Памятники центральноазиатской письменности. — УЗИВАН. Т. 16, 1958.
6. Грач А. Д. Древнекиргызские курганы у северной границы котловины Больших Озер и находки тибетских надписей на бересте. — Настоящий сборник.
7. Мионов Н. Д. Из рукописных материалов экспедиции Березовского в Кучу. СПб., 1909.
8. Ольденбург С. Ф. Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. — ЗВОРАО. Т. 8. СПб., 1893—1894.
9. Ольденбург С. Ф. Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменахми kharosthī. СПб., 1897.
10. V a s o t J., T h o m a s F. W., T o u s s a i n t C h. Documents de Touen Houang relatifs à l'histoire du Tibet. P., 1940—1946.
11. D a s S. C h. A. Tibetan-English Dictionary. Calcutta, 1902.
12. F r a n c k e A. H. Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan. — JRAS, 1914.
13. F r a n c k e A. H. Tibetische Handschriften funde aus Turfan. — SBAW Berl., 1924.
14. N e b e s k y - W o j k o w i t z R., d e. Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Hague, 1956.
15. R i b b a c h. Droga Namgyal. München, 1940.
16. S t e i n A. Serindia. Ox., 1921.
17. S t e i n A. Innermost Asia. Ox., 1929.
18. S t e i n R. A. La civilisation tibétaine. P., 1962.
19. T h o m a s F. W. Tibetan Documents Concerning Chinese Turkestan. — JRAS, 1927, 1928, 1930, 1931, 1933, 1934.
20. T h o m a s F. W. Tibetan Literary Text and Documents Concerning Chinese Turkestan. P. 1—3. L., 1936—1955.
21. T h o m a s F. W. Ancient Folk-literature from North-Eastern Tibet. B., 1957.
22. T h o m a s F. W., C l a u s o n G. L. M. A Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters. — JRAS, 1927.